



Николай Васильевич Беседин родился в 1934 году в Кемеровской области на золотом прииске. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал в институте ядерной физики, научно-исследовательских институтах, Госплане СССР. Автор 16 поэтических сборников, трехтомника «Избранное». Лауреат литературных премий имени Н. Заболоцкого, И. Бунина, А. Чехова, международной премии «Золотое перо». Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Николай Беседин

ЧАШУ ДОРОЖНУЮ ВЫПЬЮ ДО ДНА

СВЕРЧОК

Печь дышит сладостным теплом,
Сон обволакивает тело.
Скрипит сверчок. Укутан дом
В метели мартовской распевы.
Закрытой книги холодок
Напоминает путь печальный.
Сибирь. Война. Скрипит сверчок.
И голос слышится прощальный.
Он там, в межзвездной вышине,
Где одиночество бессмертья.
Скрипит сверчок. И снится мне,
Как тают тучи на рассвете.

* * *

Вздрагивают листья на деревьях.
Дождь идет. Который день подряд.
Как гласит народное поверье:
Это предки с нами говорят.
Их язык разнообразно темен,
Даже капля таинством полна,
Словно взгляд святого на иконе,
Как виденье утреннего сна.
Мне совсем непостижимо свойство —
Понимать посланье с небеси,
Но меня терзает беспокойство
За судьбу деревни на Руси.

Отзовется порохом ракета,
Сбрасывая сумерки с ветвей.
И тогда послышится молитва
О спасенье брошенных полей.
На дороге мутных луж разливы,
Спит река в заросших берегах.
Разве они не были счастливы —
Бабушки в вигоневых платках?
Разве под гармони не плясали,
Молодость теряя в трудоднях?
Разве нам любить не завещали
Родину на русских ростанях?
Знать бы, что послания их значат, —
И тогда грядущее поймешь.
Тихо так, как будто в полуплаче
Затихает на рассвете дождь.

ВЕЩАЯ ПТИЦА

В запредельных краях с незапамятных лет
Начинался полет этой птицы-вещуньи.
Над пустынной землей загорался рассвет,
И божественный замысел замер в раздумье.
А когда стал незыблемым времени счет
И наполнился хаос бессмертным твореньем,
Из невидимых сфер возникает полет
Вещей птицы — то в знаках, то в снах, то в знаменьях.

Разгадать их значенье бессилен наш ум —
Может быть, лишь душа, порожденная духом,
Вдруг поймет тайный смысл в напряжении дум
Тем открытым пророку божественным слухом.
Сколько было таких откровений дано
Человеку, чтоб в истинах не заблудиться:
То посланием неба, то тайным числом
Говорила о будущем вещая птица.

И над тьмой поднимался спасительный крест,
Лик Земли изменялся в бессонной работе.
Но все чаще и чаще небесная весть
Растворялась в земных наслаждениях плоти.
Мир не верил, смеясь, в роковое число,
Но не знала усталости вещая птица:
Сто пророков и сто ясновидцев звало
С покаянием грешной душе помолиться.

А над русской землей полыхала звезда
От полярных широт до пустынных барханов,
И мистической тайной казалась судьба
Поднебесной России меж трех океанов.

От столетья к столетью сквозь гнет и разлад
Шел народ ее с верою в светлое братство,
Что наступят навек справедливость и лад
И сподобятся совести власть и богатство.

Год за годом монах о прозренья молил.
И как знак, как знаменье, как странное что-то,
На кремлевской стене у надгробья могил
Села птица, исторгнув всю тяжесть полета.
Беспощадное время стирает следы,
Мир наживы и страсти забудет пророков.
И на Землю падет тень грядущей беды,
И звезда пролетит черной меткой с Востока.

* * *

Что-то изменилось на земле.
Все не так на свете, как когда-то.
По дороге в небольшом селе
Шел неспешно человек с лопатой.
На него смотрели из окон
И гадали любопытства ради.
Говорили мужики, что он
Ищет заколдованные клады.
Бабы рассуждали неспроста,
Что, наверно, присмотрел землицу.
Где еще такие есть места,
Чтоб с избытком все могло родиться?
И сказала девочка одна,
Глядя на прохожего застыло,
Что ему удача не нужна —
Просто он идет копать могилы.

* * *

Уйдешь ли, уедешь ли,
Вздрагнет душа
От невосполнимой потери.
И бросится вслед, бестолково спеша,
В свидание близкое веря.
И будет надеяться на чудеса,
Искать безрассудно повсюду
Твой голос, улыбку твою и глаза
Среди равнодушного люда.
Всю землю пройдет, пролетит, проползет,
На зов откликаясь с доверцей.
И только тогда удивленно поймет,
Что нужно искать в своем сердце.

Сколько горестных искренних слов
 Пролилось над Россией моей!
 Пересилит ли злобу любовь?
 От надежды ли станет светлей?
 Заклинание ль «верить и ждать»
 Голод страждущих утолит?
 Воскресит ли молитвами мать
 Сына, что под Покровском убит?
 Как молитвенно тихо в полях
 После трудной, бессонной страды.
 Одолеет ли мужество страх
 Перед новым обличем беды?
 И на что отзовется душа
 В час Отечества роковой:
 На лукавые звоны гроша
 Иль на колокол вечевой?

КАРТИНКИ ДЕТСТВА

Она стояла возле речки —
 Простая русская изба.
 Из теса шитое крылечко —
 Кривое, как ее судьба.
 Труба чернела по-над крышей,
 Подслеповатое окно,
 Под ним — стареющая вишня
 И у завалинки — бревно.
 Картина детства... Край мой отчий.
 В закате плавится река.
 Зимы томительные ночи
 И песня грустная сверчка.
 Чуть слышно прозвонит подойник,
 А после молоком парным
 Запахнет вдруг. И так покойно
 Под одеялом мы лежим.
 Нас трое мал-мала сироты.
 Идет война. Погиб отец.
 У мамы главная забота:
 Чтоб старший вырос наконец.
 Встаю и разжигаю печку,
 Корову напоил водой...
 А между тем мое сердечко
 Все переполнено войной.
 Что под Москвой? Как в Сталинграде?
 Когда Берлин в огне падет?..
 И я живу Победы ради,
 А детство... Детство подождет.

В который уж раз на вселенских весах
 Решаются судьбы России и мира.
 И свет все мрачнее в славянских глазах,
 И песни поет все печальнее лира.
 И кажется, нет ни покрывки, ни дна,
 И нет под ногами надежной опоры.
 Но души, как встарь, будоражит весна,
 И русской земли оживают просторы.
 Природа как будто взывает: не верь!
 Крепки еще корни, и силы немало.
 И в мрачную бездну низвергнется зверь,
 И вырвано будет змеиное жало.
 Я знаю: есть воля, и враг уязвим,
 Я знаю: победа над ним неизбежна.
 Но сколько еще мы ребят отдадим
 Безжалостной дани свинца и железа?
 Пусть жребий нам выпавший горек и свят.
 Россия! Тебе ли оплакивать внове
 Своих сыновей, не пришедших назад,
 Омывших Победу святой своей кровью?
 Тебе ли не знать, что хранит тебя Бог.
 Как зерна добра и любви для посева
 На пажитях мира, очищенных в срок
 От смертных сражений, от страха и гнева?

* * *

Я не молю судьбу о милости
 И все долги верну сполна.
 Мечтой о высшей справедливости
 Душа страдальчески больна.
 Иду ли к людям, глядя в души им,
 Иль обращаюсь к небесам —
 Меня встречает равнодушие,
 Каким я часто болен сам.
 А сердце шепчет мне чуть слышно:
 — Что ищешь в бездуховной мгле?
 А может нет ее той — высшей
 На нашей матушке земле?

* * *

Верба склонилась над тихой рекой.
 Медленно воды текут по равнине.
 Шепот нечаянный: «Присно и ныне», —
 Кто-то с небес обронил надо мной.
 «Ныне и присно», сейчас и всегда.
 Сонное поле и трель жаворонка,

С мамой щебечущий голос ребенка,
Первая в небе вечернем звезда.
Тонет во мгле торопливость дорог.
Родина! Что-то опять не сложилось.
Ты ль не работала, ты ль не молилась,
Не отдавала последний кусок?
Встретит, как давнего друга, вокзал.
Дай, исцелитель, как прежде, лекарство:
В русском убранстве живые пространства
Те, что от века мой дед завещал.
Роци излечат, моря возвратят
Силу упругую, даль неподвластную.
Душу омоет мне зорюшка ясная,
И отрезвит над Сибирью закат.
Чашу дорожную выпью до дна,
Горькую, неистоцимую чашу.
В дом возвращусь — и картины раскрашу
В радостно-светлой палитры тона.

* * *

Встать ночью. Сесть на старую тахту,
Услышать ветра жалобы глухие
И ощутить ночную темноту
Как родственную разуму стихию.
И наблюдать, как молчаливый круг
Друзей, событий, встреч и расставаний
Вращается загадочно вокруг,
Не разрывая плен воспоминаний,
Остановиться вдруг на пустяке,
Придав ему значительность удачи.
И ощутить, как где-то вдалеке
От тяжести сиротства мальчик плачет.
А на стене портрет политрука,
В петлицах кубари едва заметны,
И фото молодого моряка.
И золотом по ленточке — «Заветный».
И проступает трепетная связь
Меж мальчиком, политруком и юнгой,
И обретае над сиротством власть
Навечно лечь на сердце ношей трудной.
Не спится. И забытая вина
Далекий день и образ воскрешает.
Да, кажется — тогда была весна
И шла по лужам девочка босая.